

'Great, Great Sorrow and Eternal Silence': An Experiment in Sociological Dream Interpretation after the 24th of February 2022

Karolina Nugumanova
Independent researcher, Florence

Anonymous Author

This item has been published in Issue 01-02 'On Behalf of Silence, Seeking Sanctuary,' edited by Shura Dogadaeva and Andrei Zavadski.

To cite this item: Nugumanova K, Anonymous Author (2023) 'Great, Great Sorrow and Eternal Silence': An Experiment in Sociological Dream Interpretation after the 24th of February 2022. *The February Journal*, 01-02: 63-82. DOI: 10.35074/FJ.2023.35.28.004

To link to this item: <https://doi.org/10.35074/FJ.2023.35.28.004>

Published: 28 February 2023

ISSN-2940-5181
thefebuaryjournal.org
Berlin, Tabor Collective

'Great, Great Sorrow and Eternal Silence': An Experiment in Sociological Dream Interpretation after the 24th of February 2022

Karolina Nugumanova, Anonymous Author

The article is devoted to reflecting on silence and speaking in the dreams of Russians after the 24th of February 2022. Our two-stage analysis of dream narratives and dreamers' comments on them

uncovers several key topics related to speaking and silence. Interpreting them with the apparatus of sociology, we conclude that these dreams provide a space for restoring agency that had been lost in real life.

Keywords: imaginary, silence, sociology of dreams, speaking

The 24th of February 2022 was a watershed moment in Russian history that led, among other things, to large-scale political and economic transformation. Russian military action in Ukraine has changed the daily lives of Russians, even if they are thousands of kilometers away from the war zone. The withdrawal of international companies from the Russian market, rising prices of consumer goods, disruptions in the supply of electronics and medicines, forced migration and separation from loved ones, and increased pressure on activists and NGOs are only a small part of how people's lives have changed in recent months. Each Russian citizen has felt the influence of February's events in his or her own way: some have been more affected, while for others the events remain virtually unnoticed. Poll numbers, despite all their limitations, show that this political crisis did not go unnoticed: at the end of March 2022, one third of Russians felt anxious and depressed, and one in five had quarreled or argued with loved ones about political issues (Chronicles Report 2022a: 5). At the end of September, support for the government's 'special operation' in Ukraine as reported by official pollsters reached a historic minimum (Chronicles Report 2022b: 5). Regardless of their attitude to the military action in Ukraine, millions of Russians now have a daily media intake marked by destruction, death, and a growing sentiment that you are either with us or against us.

Arguably one of the biggest problems for protest in today's Russia is the almost total legal impossibility of resisting the state's actions and decisions. On the 4th of March 2022, a nearly military-grade censorship program was introduced in Russia carrying sentences of up to 15 years for anti-war statements. In the years leading up to Russian intervention in Ukraine, many independent media outlets had already been declared 'foreign agents' and 'undesirable organizations,' which led to their legal disbandment and

blocking of their websites. This resulted in tens of millions of Russians today having no access to sources of information other than those controlled by the state.

This is how the Russian government is trying to establish total control over the way people speak about and view the ongoing war in Ukraine. New administrative and criminal laws have been passed, increasing the number of cases of repression and persecution of political activists. The authorities are trying to create a single, exclusive language for speaking about the new reality that the silent majority has been dragged into. The growing polarization of a society in which everyone is required to answer the question 'Do you support it or oppose it?' creates a situation of forced silence. People confine their worlds to the individual level, becoming alienated from one another. This makes polls and surveys ineffective for the task of studying public opinion; this traditional sociological issue urgently requires a new approach.

Such an approach can be found in the sociology of dreams (Bastide 1966; Lahire 2020). At the end of February, we, a group of sociologists, launched a research project in which we collect and analyze the dreams of Russians after the 24th of February 2022. Our goal was to systematically collect accounts of current events and, through dream narratives, allow people to talk about their emotional experiences. The 'collective unconscious' can find its direct or metaphorical expression in dreams. In turn, giving images from dreams a verbal form can be seen as a way of overcoming the forced silence into which a large part of the Russian population has been thrust.

From the launch of our study to October 2022, we received 844 dream stories. Silence and speaking are a significant part of many of the dreams we have received. In the pages of this article, we want to discuss how dreamers speak and keep silence in their dreams, and what meanings they attribute to their experiences. We see dreams as a symbolic representation of an existing or invented social reality, a way of making sense of new experiences in the absence of language. Studying dreams provides an effective tool both for understanding emotional experiences—even those that the dreamers themselves have not reflected on—and for understanding how people represent their situations symbolically. Our data complement existing and potential future research on the attitudes of the Russian population toward the protracted military conflict.

Dreams as a Subject of Sociological Interpretation

The sociology of dreams is not yet an institutionalized field of research, with no specialized journals, departments, or educational programs to its name. However, attempts to bring dreams to the attention of sociology have been underway since at least 1966 (see Bastide 1966). One of the most important works in this field is a recent book by French sociologist Bernard Lahire, *The Sociological Interpretation of Dreams* (Lahire 2020). Lahire looks at dreams

as socially constructed experiences conditioned by the human's capacity to narrate, and form visual metaphors for feelings, situations, relationships and sequences of socially significant actions' (Lahire 2020: 78). Dreams usually relate to experiences encountered in reality while living in society and interacting with other socialized individuals. Analyzing the problems that disturb dreamers can uncover socially conditioned types of relationships, ways of acting, seeing, and feeling. Finally, dreams are only available to sociologists in the form of dream narratives, which are constructed utilizing language skills acquired by the individual in the process of socialization into a given society. These social characteristics of dreams allow us to map out a way to understand them as a form of a social experience rather than simply as reflections of the activities of individual unconscious structures.

This perspective on dreams is particularly relevant today when many Russians find themselves in a situation where 'older ways of feeling and thinking have collapsed and that newer beginnings are ambiguous to the point of moral stasis' (Mills 1959/2000: 4). Dream narratives can provide access to experiences that are not actualized during interviews or surveys due to a lack of suitable verbal means for expressing them.

Russians in 2022 were not the first to face the inability to speak publicly about experiences that do not conform to the official discourse of joy, support, and unity around the actions of the government. History is replete with examples in which the authorities successfully excised expressions of dissent from public discourse by creating a semblance of national unity. However, even in the case of totalitarian states, there was still room for other voices, evidence of which we can find in diaries, letters, and other ego documents. Dream narratives have been one such form of historical evidence.

The most prominent studies on totalitarianism that utilize dreams as a data source are the works of Charlotte Beradt, Reinhart Koselleck, and Irina Paperno. Despite all their differences, they are united by their partial borrowing from psychoanalytical approach, their understanding of dreams as a representation of emotional experiences that dreamers encounter while awake, and their subject: dreams from times of terror.

Charlotte Beradt was a German journalist and publicist, a pioneer in collecting and interpreting dreams in a totalitarian society, and the creator of the archive published as *The Third Reich of Dreams* (Beradt 1966/1985). As a resident of Germany from 1933 to 1939, Beradt questioned acquaintances about their dreams and stored these narratives in the form of coded notes, which she published after she emigrated to the United States. Her collection includes only those dream narratives that have clear political overtones. Beradt did not adhere to a specific methodology for analyzing dreams, but she provided her interpretation of them (Paperno 2012). For Beradt, dreams were a symbolic reflection of real-life experiences, and the archive she collected tells of everyday fears, feelings of guilt, a desire for conformity, and even a subconscious premonition of future atrocities against Jews (Beradt 1966/1985). Notably, this collection of Third Reich dreams, much like our archive, includes dreams in which the need for silence is experienced and

problematized. Beradt's archive (1966/1985) has not only been the source for the subsequent analysis of her collected dreams from a historical (Stein 2010) and psychological (Bulkeley 1994) perspective but has also inspired other studies of traumatic experience based on the study of dreams (on the experience of the Holocaust, see for example Engelking 2013).

The distinguished historian Reinhart Koselleck (1985) was one of the first to draw attention to the potential of the study of dreams (pp. 213–230). He undertook the task of formulating methodological principles for the analysis of dreams as a historical data source. Importantly, these principles also apply for sociologists. He views dreams as texts, testimonies about a person's historical experience and past, that capture reality better than other sources, including diaries and memoirs. The experience of dreamers in today's Russia is also a historical phenomenon: based on their past experiences and acquired knowledge, people experience current events and feel themselves in the space of history. Defending the right to a political interpretation of dreams, Koselleck points out that dreams characterize society rather than the individual. Thus, dreams are prelinguistic stories, revealing an anthropological dimension that transcends written sources (Koselleck 1985). For both Beradt and Koselleck, dreams are not only retellings of stories of terror, but also the tools of terror itself: they isolate individuals and have a strong emotional impact on them (Koselleck 1985). The sleeper no longer rests in his or her sleep but undergoes an intense emotional experience. This has led other researchers to suggest that totalitarian regimes also affect human physiology by disrupting the restorative function of sleep (Curtisa 2017). Koselleck (1985) additionally attributes a prognostic function to the dreams of the beginning of the Third Reich, as they contain a reflection of the future in the present moment. This prognostic function does not imply prophecy; the historian sees dreams as psychological facts, indicating that the subject, often unknowingly, understands the historical potential of experienced events and traces inner changes in himself. Thus, dream narratives not only relate to the past and present but also reflect the empirical possibility of future events: 'it is precisely as fiction that they [dreams] are elements of historical reality' (Koselleck 1985: 220).

In sum, although dreams are fictional stories, they—as can be clearly traced with the Third Reich dreams—can also be tools of terror. First, the dreamer is terrorized by the fear he or she experiences in the dream. Second, their very knowledge of terror comes from dreams, meaning that those who have not experienced physical violence in reality may feel it in their dreams, making their dreams not only correlate with reality but also anticipate it. By studying such dreams, we can learn about historical reality. However, not all dreams can serve as evidence of past or current events. For example, Jean Cayrol's analysis of the dreams collected from concentration camp inmates, i.e. those who directly experienced physical violence, showed that the content of their dreams were disconnected from what they directly experienced. Real terror could no longer be dreamt, as imagined horror was trumped by reality; these were survival dreams based on symbolism that is extra-historical, non-political, and cannot be analyzed as a poetic text

indicating what was happening (Koselleck 1985: 225).

One of the first studies to address Russian material of the Stalinist era was the work of American cultural and literary historian Irina Paperno. In her work (2012), dream narratives are part of a large corpus of data that includes personal diaries and memoirs of the Soviet period. In this way, the hermeneutic analysis of dreams is supplemented by the subjective interpretation of dreamers and the general biographical context of their lives. The study of dreams from the 1930s allows the researcher to access 'the intimate spaces of the life experience of the era of terror' and to explore those experiences that remain inexplicable to the narrator (Paperno 2012). Many of the dreams that Paperno (2012) analyzed were filled with fear. Others seemed to represent an attempt to find explanations for things that could not be understood in real life. Yet other dreams manifested a person's ability to resist the terror, highlighting a boundary they were not ready to cross. Dreamers themselves, when reflecting on their dreams, often attributed to them the function of prophecy and historical significance. Some reflect on the potential of dreams as historical evidence. For example, Lidia Chukovskaya (2007) writes, 'My accounts of the Age of Terror are remarkable, by the way, for the fact that they reproduce entirely dreams alone. Reality did not lend itself to my description; moreover, I did not attempt to describe it in my diary. It was impossible to describe it in a diary, and was it even conceivable to keep a real diary at that time?' (Chukovskaya 2007).

At present many people are again faced with the impossibility of describing the reality around them, so we again turn to dreams as a source of information about the unfiltered experience of life in contemporary Russia. We approach analyzing of dreams within a general interdisciplinary framework that sees dreams as material for studying sociohistorical human experience. We call this socio-historical hermeneutics. On the one hand, Russians today are experiencing historical events in their dreams. On the other hand, the symbolic representation of these events in dreams can be examined in the sociological categories of power and agency. We have also supplemented our interpretations with an analysis of the sociodemographic characteristics of the participants in our study. Taking the fact that dreams reflect something for which there is no language in real life as our point of departure, we search the texts sent to us for glimpses of dreamers' relationships with our new reality, relationships that they themselves may not fully understand.

Method

In our project, unlike Beradt (1966/1985), we collect and publish all dreams, regardless of whether they have clear political connotations. Russian culture has a rich history of separating 'personal life' from politics, and Russians may subjectively perceive many aspects of the everyday as unrelated to politics. But the personal *is* political, as second-wave feminists proclaimed (Hanisch 1970), so we collect all dreams, regardless of their content. Nor do we require

those who send us their stories to have (or report) an explicit political position or to be for or against the Russian military actions in Ukraine. We feel that this dichotomy would only exacerbate societal divisions and crowd out intermediate opinions. Our archive collects the dreams of those who do not have time to reflect on their changing everyday life and, for whatever reason, feel that dreams tell us something important about us and our world.

Dream narratives were collected using a Google form distributed in small media outlets, Telegram feeds, and personal channels. In addition to containing fields for writing down the dream and its interpretation, the form had several optional questions on the socio-demographic characteristics of the storytellers. From the end of February 2022 to the time of writing (October 2022), we were successful in collecting 844 dreams.

It is important to note that our study does not claim to be representative: no matter how many dreams we collect, we cannot speak about what all Russians (or even most of them) dream about. Our goal was to characterize the range of possible themes and images that appear in dreams, rather than to quantify the observed patterns. Nevertheless, we can say that the majority of our narrators were women (81%) living in the Northwestern (51%) or Central (33%) Federal Districts of the Russian Federation at the time of the survey, and between the ages of 20 and 35 on average.

Our empirical material—dream narratives—is a special form of silence as speaking. On the one hand, these narratives are a communicative act through which dreamers tell us something about themselves, their experiences, and their feelings. On the other hand, storytellers do not have full control over the content of the narrative when they claim authenticity in describing their dreams: they tell us about images that appeared independent of their will, sometimes as a result of experiences' displacement from the verbal sphere. One might say that all of the stories sent to us straddle the boundary between silence and speaking—when sending in a dream, people can interpret or speculate about it, but at the same time, remain in a relatively safer position, since they are not expressing their opinions, but recounting what they have dreamt. Of the dreams submitted, we selected texts that met the following criteria:

- 1) the act of speaking performed by the dreamer is central to the dream narrative (or one of its sequences, if the dream is long);
- 2) the dreamer's silence or inability to speak is central to the dream narrative (or one of its sequences, if the dream is long);
- 3) the silence of others is central to the dream narrative (or one of its sequences, if the dream is long).

The exclusion criterion was that acts of silence or speaking were not significant in the context of the dream (could be discarded without prejudice to its plot). A total of 156 dreams were selected.

Our approach to the study of dreams is largely inspired by Paperno's (2012) method of dream analysis, the historical hermeneutics of dreams. We

view dreams as texts that can be interpreted through immersion in their context—in our case, in the life and culture of contemporary Russia. The texts that we obtained by collecting dreams are products of the narrators' interpretations and thus a form of self-representation. In analyzing the dreams, we attempted to interpret the texts by interpreting the stories and images they contain in terms of the categories of agency and power. Reading dreams from the point of view of sociology, we try to dive into the world of Russian citizens' symbolic representation of their social-historical and emotional experiences, to understand their unconscious attitude to the reality around them, and to identify common trends—here, that means stories that stage acts of silence and speaking.

Dreams were analyzed in two steps. First, using the method of thematic coding (Braun and Clarke 2006), we divided the dream narratives into sequences and identified common themes that appeared in different texts. We then interpreted each theme by locating it in the broader context of contemporary Russia, supplementing our understanding with the narrator's comments. These comments comprised the author's interpretations of the dreams, their biographical context (events with which sleepers associate their dreams), characteristics of the dreams themselves (how often the narrator dreams similar stories), and the emotions experienced both in the dream and upon awakening. Interpretation is an integral part of dreams (Paperno 2012), so the meaning the dreamers themselves assigned to the dream as well as the dream itself is a source of data.

The opposition between silence and speaking is one of the most noticeable themes in our archive. In this article, we will attempt to answer questions about the place this binary occupies in the dreams sent to us and what it says about the agency of the dreamers. Who speaks and who is silent in their dreams, what meaning is given to these acts, what consequences does this entail in the dream, and how are such dreams interpreted by the narrators themselves?

Results

In this part of the article, the conclusions drawn from the analysis of dreams will be divided into two parts representing two major topics: silence and speaking. The stories we have studied contrast these two behaviors, but regard neither of them with blanket approval or condemnation. Below we consider the main functions that the acts of silence and speaking perform, as well as the contexts in which they manifest themselves.

Silence

Our analysis revealed several functions that silence plays in the dream narrative. One of the most interesting insights is that antagonists—those institutions or individuals who oppose the narrator—and their allies are usually silent in the dream narratives we analyze. Silence reproduces the

distance between the dreamer and the one who is silent and increases the dreamer's vulnerability to those who have more power, including the power to be silent. The following passage describes a dream in which the narrator encounters a threat in the form of strange men (see Fig. 1) trying to break into her apartment:

'I dreamed that I was in my old apartment. The front door is closed but unlocked. I close it with a latch, and suddenly, through the crack, I notice that there is someone behind it. At first, I think it's my mother, and she is about to come inside. But time passes, and the person just stands silently outside the door. I still can't see who it is, and then the door becomes almost transparent, and I realize that four guys are standing behind it. Standing silently, looking right at me. I hold the latch with my hand just in case. At first, I shout for them to go away, but I'm too scared and my voice is trembling. They don't move. Then I start asking what they want, and the guys suddenly spring to life: still silent, they come up close and stare right at me' (03/06/2022, F, age 20).

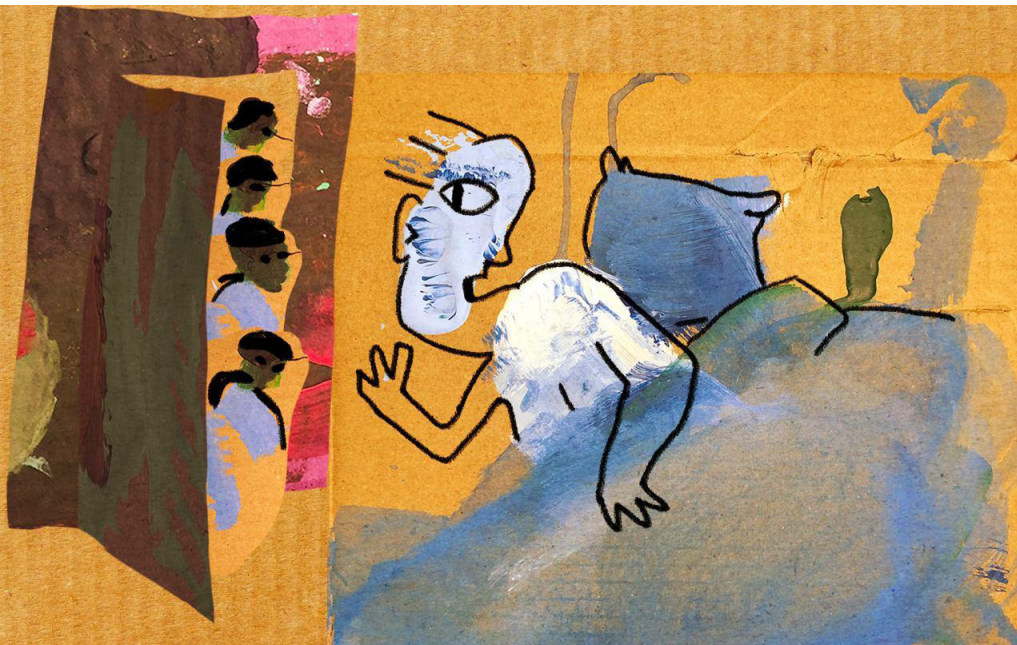

Figure 1. Visualization of the dream, 2022. © Sonya Nikitina, all rights reserved, used with permission.

The men's silence frightens the dreamer and prevents her from interpreting the situation during the dream. She seeks to protect herself by locking the door more securely, but cannot find the key because she cannot tear her gaze away from the door. In this situation of silence, eye contact is the only thing that allows her to control her interaction with threatening strangers in the absence of resources for self-defense. Interestingly, the dream has no political connotations plot-wise, but the narrator herself describes her dream as representing her current mental state. In the commentary field, she writes the following:

'I've now been sick for a month and can't seem to get better. Being sick alone is very hard emotionally, I miss getting care and affection (especially from my parents) + mental health problems + a very difficult exam session + the you-know-what [Russian military actions in Ukraine]. This is probably what fed into in that strange image. It's not like aggression nor violence, just endless anxiety and fear. That feeling that someone wants something from you, but you can't tell what. And you also don't know how to stop it. You want to hide from it, but at the same time, you are afraid to let it out of your sight for even a second' (03/06/2022, F, age 20).

The most widespread antagonists in dream narratives are images of a silent crowd or the government (including representations of both the impersonal state machine and famous officials). In both cases, their silence is a symbol of being deaf to the voice of the dreamer, a denial of the possibility of interaction. Just as it is impossible to change the mind of a silent crowd, it is impossible to communicate with the state and its repressive apparatus on equal footing. At the same time, the silences of the state and the crowd function differently in the dream. Thus, the silence of the crowd is an expression of apathy, as in this excerpt:

'I dreamt of a beautiful cast-iron bridge and a crowd of people around it. It didn't look like anything was going to happen, but suddenly a provocateur emerged from the crowd. Out of the blue, he started smashing everything around him, while people stood there and kept quiet. This made me very angry, and I responded very sharply, addressing the silent crowd and the destroyer while simultaneously trying to save fragile things from falling. The dream was abruptly cut short, and I woke up shattered with a sense of acute injustice over everything that was happening in this country where I no longer had a voice' (25/03/2022, F, age 30).

The crowd is unable or unwilling to confront the provocateur; it only observes the destruction taking place and is not an active participant. The act of speaking in the dream represents a response to both the destroyer and the crowd, but it is unclear whether this resistance is successful. The narrator of this dream interprets it as a metaphor for her real-life situation, linking her opposition to the silent crowd and the 'provocateur' to the experience of not being able to express her opinion in real life due to legal restrictions and censorship.

In contrast, the silence of the state in general or its personified incarnations can be interpreted as a symbolic representation of its position of power. In several dream accounts, the state is in a situation of unilateral, unequal communication with the narrator. For example, in the following record, another dreamer represents herself as a soldier engaged in combat operations against an unspecified enemy. An attempt to enter into dialogue with the state as represented by a well-known contemporary official fails, and the dream is cut short:

'I'm sitting in a trench, I'm a soldier, and I'm talking to another girl who's sitting in the trench next to me. It's some kind of war. I don't know whose side I'm fighting on. At some point, we look up and saw that on a big hill in front of the trench there are soldiers, all dressed in black, our enemies. We decide

to run away from them and run through a pine forest behind our trench. We run to a wooden house (the kind you see in World War II movies, usually as a military headquarters). In my dream, this wooden house is a headquarters, too. It's crowded with men in these sheepskin coats, waiting in line to sign up for something. I'm standing in line, too, and my turn comes: I enter [a room] and sit down on a chair. At the desk in front of me is Peskov, with a mustache and in military uniform. He asks if I'm going to sign up. I ask, 'Sign up for what?' He says nothing, I ask him again, and I wake up' (25/04/2022, F, age 24).

The war in which the dreamer participates has no subjective meaning for her: its causes are unclear, the belligerents and their goals are unknown ('it's some kind of war,' 'I don't know whose side I'm fighting on'). It is experienced on a sensual, individual, non-ideological level. The dreamer does not make decisions (or does not perceive them as her own). All of her actions are performed automatically and together with everyone else: everyone ran away from the enemies, everyone stood in line. Her attempt to find out what is happening within the dream—an appeal to a government representative—fails, as her question remains unanswered. Here, silence can be seen as the privilege of the one in authority, the one who does not have to explain or convince, and who demands the instinctive submission of others. The narrator's question disrupts the status quo—her consent is no longer implied, and the official's silence interrupts their communication, cutting off the dream.

Dreamers themselves rarely keep silent in their dreams. Their silence is problematic, needing an explanation and/or justification. It is experienced as a lack of voice and may be caused by feelings of shame, grief, or fear. It is the silence of the oppressed, frightened, and grieving; of those experiencing the fragility of their situation. In the following excerpt, the dreamer sees dead people from a photograph (that she had been viewing in reality) come to life. The silence acts as a symbol of sorrow for the dead (see Fig. 2). In the explanation of her dream, the narrator wrote that the day before, she had read news about tragic events in Ukraine. Her dream was based on a picture showing the burned bodies of one family:

'I dreamed that these people were in the space of the photograph, getting up from under the garbage that they tried to cover their bodies with, half-burnt, half-black, opening their eyes and walking around [...] I thought I saw them walk around the photograph, walk out of it, and come to my window and look at me. It was scary, but mostly sad. This great, great sorrow and eternal silence' (05/04/2022, F, age 30).

As Lahire argued, dreams are not random—they are autobiographical in a sense, and it is impossible to deeply understand a dream if one interprets it exclusively in terms of personal experience or the immediate context, taking into account only the text itself and the current existential situation in which the dreamer finds himself (Lahire 2020).

As many studies show, since ancient times, dreams have been associated with the dreamer's life: his or her experiences, concerns, obsessions, tensions and conflicts, fears, and desires (Lahire 2020). These feelings and knowledge are actualized before the dream, usually on the

Figure 2. 'Great, great sorrow and eternal silence.' Visualization of the dream (generated by the neural network DALL-E, 2022). © Karolina Nugumanova, Anonymous Author, all rights reserved, published with permission.

same day, and can manifest in symbolic form in the dream. It is interesting that this narrator, based on her experience studying folklore, interpreted her dream as a reflection of a common plot in village culture (probably the story of the dead rising). 'Lawyers dream that they are pleading cases and drafting contracts; generals that they are fighting battles; mariners that they are continuing to wage war with the winds; and I that I am tackling my task of constantly investigating the nature of things and expounding my discoveries in my native tongue,' writes Bernard Lahire (Lahire 2020: 74).

All the characters in the dream, both the dreamer and the people she sees, are silent, but their silence belongs to different worlds. The risen ones are silent like the dead, and they are separated from the dreamer by a window—a symbol of the impenetrability of the border between the worlds of the living and the dead. The dreamer is silent like a witness, performing a symbolic ritual of remembrance for those who have passed away. None of the characters in the dream can break this heavy silence, and their inability to restore communication reflects the irrevocable loss of those who have crossed the border to the world of the dead. They are all powerless in this dream situation. However, the very presence of the risen dead, however silent, becomes a symbol of the memory of what cannot be concealed or forgotten: they reappear from under the rubble and become visible, a relentless reminder of a monstrous tragedy.

Thus, we may note that silence in dreams emphasizes the relationship between power and subordination. Narrators rarely occupy the position of the powerful, the one who can leave questions unanswered or

demand submission. Their agency is restored through the act of speaking. Dreamers initiate communication (or want to), but more often than not, they remain unanswered. In the following section, we discuss dreams in which speaking helps dreamers to overcome the power dynamics set out in the dream.

Speaking

In the dream narratives we have examined, speaking is at the core of several main plots, which can be designated as persuasion, warning, resisting, and seeking allies. In all of these types of narratives, the main characters are the dreamers themselves, who interact with others: acquaintances, relatives, or even celebrities. In general, as Lahire points out, the people who appear in our dreams are often those with whom we are emotionally connected: parents and friends, spouses and partners, brothers and sisters, grandparents, classmates, and colleagues. These are not necessarily people with whom the dreamer interacts frequently, but also those with whom the dreamer may have tense relationships and conflicts in which they invest a lot of emotional resources in waking life (Lahire 2020). In the stories we analyzed, each plot is characterized by a different set of actors.

In the first plot, the sleepers are engaged in a dispute with those who disagree with them—often their relatives. The subject of the dispute may vary, but the most common debate is about Russia's actions in Ukraine. Dreamers see themselves as eloquent, having persuasive arguments, rational, and consistent. It is noteworthy that their interlocutor's change of heart—presumably the goal of every dispute—often remains incomplete in the dream narratives we analyzed. Instead, the dreamer goes unheard or ignored. For example, the narrator of the following excerpt commented that she rarely speaks to her mother, who has a different view on the issue of Russia's 'special military operation'. She feels that in their real-life conversations, she lacks arguments, which she tends to think through in advance, running through potential scenarios in her head. In the dream, in contrast, she saw herself as persuasive and eloquent:

'This is not the first time I've dreamt about trying to change my mother's mind. I offer arguments, I show her news from independent sources, and show her [opposition politician and blogger] Maxim Katz's videos. For each of her arguments for the war, I look for a counterargument, and this search looks very logical and rational for a dream. It is as if everything I think about during the day is visualized at night. In the dream, my mother still stands her ground, which saddens me, but I don't reach the point of despair, because there is still something to say, ways to convince her, and the conversation doesn't end' (03/05/2022, F, age 20).

In the dream, the narrator imagines herself in the situation of a well-reasoned argument with her mother, and the rationality of the evidence she gathers surprises her. Although she does not manage to change her interlocutor's mind by the end of the dream, she feels that the conversation is not over, and after she wakes, the dream does not inspire any negative

emotions in her. Such 'mundane' plots represent a fantasy of a constructive conversation in which rationality, i.e. the dreamer's position, wins. As the PS Lab¹ report shows, however, in reality many people have stopped communicating with relatives who do not share their views on the military action in Ukraine (Erpyleva and Saveleva 2022).

In the second plot, the sleeping subject acts as a bearer of some vital knowledge that the people around him or her do not possess. The act of speaking is carried out in an attempt to warn the uninformed about something. The following excerpt describes a dream in which the dreamer finds herself in the past, during World War II (which is generally typical for this plot). Such a temporal perspective tilts the balance of knowledge/power to the side of the dreamer, who literally knows the future. The dreamer seeks to warn her loved ones of the danger that threatens them, but is met with incomprehension:

'I dreamed that I was in some village surrounded by woods, and I woke up early in the morning to explosions. I go out on the porch, see that planes are bombing us, and realize that this is 1941, and I've been stranded in that time and know everything that is going to happen later. My father comes up to me. I tell him we have to leave. He says to me, "It's okay. This will all be over by the 2nd of July" (for some reason that's the date). "If it's not over by then, we'll think about moving." And I start sobbing, because I'm overwhelmed by the full unfathomable horror of knowing the future, and I tell him, "It won't end, it will go on for four years and tens of millions will die." And he smiles and looks at me pityingly, like I'm a fool. Right then, I wake up' (26/03/2022, F, age 30).

The narrator did not provide an interpretation of her text but explained that the dream was atypically vivid. We suspect that this dream metaphorically represents an inability to communicate one's experiences and premonitions to loved ones, who are in ignorance of the terrible future that will inevitably come—at least in the dreamers' perception.

Interestingly, World War II is one of the most frequently encountered images in this context. On the one hand, its popularity can be explained by the high symbolic significance attributed to the 'Great Patriotic War' (1941–1945) in official discourse, as well as the symbolic parallels this discourse draws between this historical event and the 'special operation.' On the other hand, this may indicate that the dreamers see themselves as an object of history, that is, they experience today's events as historical.

Those whom the dreamer wants to warn also belong to the world of the past: they may be parents in their youth, deceased relatives, or strangers from bygone eras. For example, the narrator of the following dream attributes its occurrence to the events in Ukraine himself:

'I dreamed that it was World War II, and Hitler had ordered the capture of "Lower Samara"²—which meant (in the dream, no one says that IRL) the part of the city that slopes down to the Volga river, so the embankments and the surrounding streets. When he gets it, Hitler declares, "Now Kuybyshev³ is left without legs!" Then it turned out that this was all sort of someone else's story. And my grandmother and her sister and their friend appeared as if out of from the past. And I was excited, thinking that

now I could ask them about their lives, and I got my tape recorder ready to record. But first I asked the friend if that story about Samara during the war was true. And she told me that it was. I didn't have time to ask my grandmother, but I did start explaining to my guests from the past what the Internet and Wi-Fi are' (10/04/2022, M, age 37).

The dream unfolds in two temporal dimensions: in the past, known from the stories of someone nameless, and in a parallel, postwar dimension (it is unclear to what extent this is the same as the present). This appears to be a projection of his situation in real life: the dream poses the question of what today's future looks like. It is likely that while awake, the dreamer also feels that he knows more than those around him (especially older relatives, 'people from the past,' who have no access to alternative sources of information). Interestingly, in this dream, the narrator is not the only holder of important knowledge; so too are those he meets. The narrator is excited to see his relatives, perceiving them as a source of information about the past and a way to validate the story he heard about the war. However, despite his initial intention to ask questions of the 'guests from the past,' the dreamer then begins to share his own knowledge of the future with them, now it is related to technological progress. This is an exception for this dream plot in that the author of the dream is seeking not to warn people with his description of the future, but rather to generate surprise and interest.

The dreamer attributes this dream to his current mental state:

"The war part is obviously related to current events. Plus it reflects my overall current state: danger is very close to me, but not quite here, it hasn't completely swallowed me up yet. Although, by the way, my parents' house is in the exact area that Hitler seizes in the dream. And it feels like my beloved grandmother comes to support me, as a symbol of the fact that there is hope."

In the dream, anxiety about the future ('danger is very close to me, but not quite here, it hasn't completely swallowed me up yet') is correlated with a frightening image of Hitler seizing part of the city where the dreamer's parents live. The presence of a relative is perceived as a symbol of hope. We can assume that the grandmother, as a representative of the older generation, is symbolically closely connected with the memory of World War II. Her experience may be the key to survival during wartime, and for the dreamer, her appearance may be a good sign.

The following two plots, resistance and the search for allies, are based on verbal interaction between the dreamers and famous people: politicians, bloggers, scientists, and others. As Lahire suggests, images of celebrities can symbolize certain characteristics and properties (power, beauty, intelligence, kindness, cruelty). Now we will look more closely at how their interaction unfolds in the following plots.

Symbolically, the third plot, resistance, is represented in dreams as an opportunity for equal dialogue with those who are out of reach in real life: politicians, representatives of other countries, and famous scientists and artists, who in both the dream and reality hold different views on current events

than the dreamer. We may assume that such figures represent power, which storytellers cannot take a stand against in real life. In the dream, however, the dreamers engage in arguments, call for a response, or act downright rude. The dream provides them with a unique opportunity to be heard by those who are endowed with greater power to speak in daily life. For instance, one of our narrators saw Vladimir Putin in a dream in a completely ordinary situation — in a crowd on the street:

'I dreamed that Putin stepped on my feet in some crowd on the street. I yell indignantly, 'Mr. Putin, what on Earth are you doing?!' Only after I speak does he realize that I am standing next to him and he is trampling all over my feet. 'Oh, silly me,' he says, not even to me, to no one in particular, and turns and walks away. I follow him, not letting him get away. I ask, "Aren't you going to apologize?" His tone changes completely, from indifferent to caustic and angry. "You'd stoop that low?! Go on, sell your story to the tabloids!" I don't know what to say to him, and I wake up confused' (17/04/22, F, age 27).

Dreams featuring Putin are not unusual for our narrators. Just as the people of the Third Reich saw Adolf Hitler in their dreams and the Soviet people saw Joseph Stalin, the protagonist of this dream also encounters someone who makes historical decisions that change the destinies of millions of people. These are not simply images of political leaders. More importantly, in the presence of these political figures, the subject sees herself as speechless and/or powerless (as was the case with the dreamers of the Hitler and Stalin eras). Unfortunately, the dreamer did not explain her dream, so we must try to interpret it ourselves. In this dream the narrator imagines herself as part of an equal dialogue with Putin: she can object to him, demand an apology, even reprimand him for his misconduct. Putin, however, does not want to take part in the conversation, and the narrator does not believe that he is addressing her at all. (We note that we have already encountered this image in a discussion of stories involving the silence of those in power.) His brusque response leads to a breakdown in communication as it seems to come from a completely different relational context; it aggravates the conflict by making baseless (from the narrator's point of view) accusations. The dream is cut short, leaving her confused.

Finally, the fourth plot, the search for allies, is based on a search for commonality in conversation with other characters in the dream. As a rule, allies are people whose vision of what is happening—at least in the dream—is close to the dreamer's: their friends and relatives, political activists, as well as notable media figures with whom the narrators are hardly familiar in real life (feminist activist Daria Serenko,⁴ political scientist Ekaterina Shulman, the opposition journalist Anna Politkovskaya, and others). Talking with allies creates a sense of community and belonging, not only because of their similar political views, but because their perspectives are literally brought together as they find themselves in the same dream situation. Interestingly, the allies may be passive participants in the dream plot (or the dreamer does not tell us about their actions); they are important simply as an image. Their appearance in the dream is a way of identifying with the qualities that these

people symbolize in reality. Less often, these people, by their actions in the dream, represent a source of unselfish support, someone who simply listens, understands, and shares your experiences. For example, in the following story, the dreamer meets a dead journalist whom she admires in real life, but who is presented in the narrative as completely indifferent:

'i dreamt that i was coming to a hotspot to translate (some kind of negotiations, i think?), but for some reason i got lost there. i found myself all alone. there was terrible shooting, i was panicking and running through the streets looking for people. then i saw anna Politkovskaya. i was super happy, i ran up to her and said something like "it's you, anna! you are so cool..." we climbed into this bunker... i don't remember the plot next, but somehow we find ourselves in a military truck. there are soldiers there, they are trying to tell us something. i know that i am supposed to know this language, but i cannot understand a word... i def remember turning to politkovskaya and saying "anna.... anna we're totally [screwed]... i don't understand a thing..." we keep driving, i'm crying and the military men keep playing hard hookah rap..." (20/03/2022, F, age 21).

It is intriguing that no matter who the allies are, dreamers always see themselves as their equals. Thus, in the dream described above, the narrator experiences the adventure together with her new ally, and there is no difference in status (of the famous journalist Politkovskaya versus the anonymous narrator); it is erased by the common situation in which both find themselves. Both of them, as women, are in a vulnerable position in front of a group of armed men (which is symbolically reinforced by their playing 'hookah rap,' a Russian-language genre of rap with Caucasian and Middle Eastern musical influences and, typically, misogynistic and sexualized lyrics).

This dream is notable for its striking metaphor for the lack of understanding between the narrator and the depersonalized male soldiers, who speak a language she is familiar with but does not understand. We can assume that this is how the dream reflects the rejection of the official discourse of the authorities in real life. The ally who appears in the dream may symbolize both the honesty and strength of individual resistance and a possible tragic end to the dream road trip with the military.

However, not all dreams end well with allies present, whether because dreamers are afraid to engage in communication for fear of being rejected, they do not know a language, fear judgment, or some other reason. Because the absence of allies often leaves the dreamer one-on-one with a more powerful aggressor and in a more vulnerable social position, they experience the dream's events as 'enveloping hopelessness.' Such dreams, as Koselleck (1985) argued, are not only narratively related to terror, but are also its tools: they have serious negative impacts on the dreamers' emotional, physical, and psychological state.

Thus, within stories related to speaking, dreams create a space for communication with Others: high-ranking politicians, opponents, deceased relatives, or loved ones with whom a misunderstanding has arisen in real life. The dreamer does not always achieve his or her goal of reassuring or warning by speaking, but does acquire agency and the ability to resist. At the same

time, storytellers do not usually see themselves as aggressors or abusers of the hierarchy of power, as indicated by the way they talk about it and what they do in the dream space. More often, they see themselves as victims of the circumstances, subjectively viewing resistance as heroism or a moral duty. We can assume that this correlates with their experience of their current life situation—a situation where language is constrained, making self-expression impossible, and where public speaking requires courage, determination, and a willingness to accept often life-shattering consequences.

Discussion

In the dream narratives we analyzed, we found a reflection of emotional experiences of the fragility of the world, a sense of external threat, and fear of new circumstances. Dreamers reflected on losing their ability to speak about the world around them, experiencing silence in dreams, whether their own, that imposed on them, or that of others, as problematic. Their dreams created a space for regaining agency through speaking and communicating with meaningful Others out of reach in real life. We have noted how silence can represent the privilege of the powers that be to keep questions unanswered, and how speaking helps to level structurally unequal positions.

One of the main limitations of our study is that it appears that most participants have anti-war sentiments, so the dream narratives we received are predominantly full of anxiety and worry and also have political overtones. We can assume that the dreams of supporters of the Russian military actions in Ukraine will differ both in their emotional subtext and in the narratives they contain.

1. Public Sociology Laboratory (PS Lab) is a research team that studies politics and society in Russia and the post-Soviet space from a comparative perspective. PS Lab emerged in 2011, at which time its members began to study protests and social movements in Russia and later in Ukraine. Since the beginning of the 2022 military conflict in Ukraine, researchers have studied the perceptions of its supporters, opponents, and those undecided: their emotions, hopes, and fears; attitudes toward propaganda, the country, and the state; relationships with loved ones; and visions of the consequences of military action.
2. Samara is a city in the Middle Volga region of Russia, the center of the Volga economic district and the Samara region.
3. Samara was known as Kuybyshev from 1935 to 1991.
4. Daria Serenko is one of the founders and coordinators of the Feminist Anti-War Resistance (FAR), organized after the 24th of February 2022 to campaign against the war, protect the rights of vulnerable groups, and provide material, informational, and psychological assistance to political prisoners and protesters.

Bibliography

1. Bastide R (1966) The sociology of the dream. In: Von Grunebaum GE and Callois R (eds), *The dream and human societies*. Los Angeles, University of California Press: 200–214.
2. Beradt C (1985) *The Third Reich of Dreams: The Nightmares of a Nation, 1933-1939* trans. Wellingborough, Aquarian Press. Originally published (1966) as *Das Dritte Reich des Traumes*. Munich, Nymphenburger Verlag.
3. Braun V and Clarke V (2006) Using thematic analysis in psychology. *Qualitative research in psychology*, 3(2): 77–101.
4. Bulkeley K (1994) Dreaming in a totalitarian society: A reading of Charlotte Beradt's *The Third Reich of Dreams*. *Dreaming*, 4(2): 115.
5. Chronicles Report (2022a, May 18) Khroniki 3.0: Tret'ia volna obshcherossiiskogo oprosa grazhdan RF ob otnoshenii k "spetsial'noi voennoi operatsii" Rossii na territorii Ukrainy. Analiticheskii otchet [Chronicles 3.0: The third wave of a nationwide survey of Russian citizens about attitudes toward Russia's 'special military operation' in Ukraine. An analytical report], github.com/dorussianswantwar/research1/blob/main/%D0%A5%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%203.0%D0%20-%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B8%CC%86%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%CC%88%D1%82.pdf.
6. Chronicles Report (2022b, October 13) Khroniki 7.0: Mobilizatsiya. Ekspress-opros. Analiticheskii otchet [Chronicles 7.0: Rapid survey on mobilization. An analytical report], [https://github.com/dorussianswantwar/research1/blob/main/%D0%A5%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%207.0%D0%20%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B8%CC%86%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20\(%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%201%20%D0%B8%202%20%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%8B\).pdf](https://github.com/dorussianswantwar/research1/blob/main/%D0%A5%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%207.0%D0%20%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B8%CC%86%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20(%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%201%20%D0%B8%202%20%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%8B).pdf).
7. Chukovskaya L (2007) *Zapiski ob Anne Akhmatovoi v 3 tomakh* [Notes on Anna Akhmatova in 3 volumes]. Moscow, Soglasie Publ, (2), 1952–1962.
8. Curtisa R (2017) Sleep No More: Nightmares in Emerging Nazi Germany. *Sociology*, 7(1): 7–11.
9. Engelking B (2013) Dreams as a Source for Holocaust Research. *Holocaust Studies and Materials*, (3): 223–252.
10. Erpyleva S and Saveleva N (eds) (2022) *Dalekaia blizkaia voina: kak rossiane vosprinimaiut voennye deistviia v Ukraine (fevral'-iun 2022)* [War Near and Far: How Russians Perceive Military Action in Ukraine (February–June 2022)]. drive.google.com/file/d/1l7fkLApAHhDiMp1sz7gbPokCYTCdOC6n/view?usp=sharing (06/02/2023).
11. Hanisch C (1970) The personal is the political. In: Firestone S and Morgan R (eds), *Notes from the Second Year: Women's Liberation*. New York, self-published.
12. Koselleck R (1985) *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*,

- Tribe K (trans). Cambridge, MA, MIT Press.
13. Lahire B (2020) *The Sociological Interpretation of Dreams*, Morrison H (trans). Cambridge, Polity Press.
 14. Mills CW (2000) *The Sociological Imagination*. New York, Oxford University Press. Originally published 1959.
 15. Paperno I (2012) Sny terrora (son kak istochnik dlya istorii stalinizma) [Dreams of Terror (Dreams as a Source for the History of Stalinism)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 4: 227–267.
 16. Stein A (2010) Dreams as historical artifacts. *The Journal of Psychohistory*, 38 (2): 125–32.

Acknowledgements

We would like to thank everyone who sent us their dreams and shared our project on social media. We would also like to thank colleagues who wished to remain anonymous, as well as the artists Sonya Nikitina and Agata Gilman. A special thanks to the anonymous reviewers who all believed in us and helped to transform our text from a small reflective essay into a full-fledged scholarly article. We are also grateful to Elias Seidel for his meticulous editing of the English version of this text.

Authors' bios

Karolina Nugumanova is a Sociology MA graduate of the European University at St. Petersburg and a researcher in the field of documentary film. She is one of the participants and organizers of a research project dedicated to the collection and analysis of dreams during the 2022 war in Ukraine. Nugumanova's previous projects address migration, media and critical thinking, and ecology.

Address: 50136, Florence (Italy), Via Masaccio, 5.

E-mail: kar.nugumanova@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-4811-0837.

The second author of this article chose to remain anonymous.

**«Большая, большая скорбь и вечное
молчание»: опыт социологической
интерпретации снов после 24 февраля
2022 года**

Каролина Нугуманова
Независимая исследовательница, Флоренция

Анонимный автор

Этот материал опубликован в номере 01-02 «От имени молчания,
в поисках прибежища», под ред. Шуры Догадаевой и Андрея Завадского.

Цитировать: Нугуманова К, анонимный автор (2023) «Большая, большая
скорбь и вечное молчание»: опыт социологической интерпретации снов
после 24 февраля 2022 года. *The February Journal*, 01-02: 83-103.
DOI: 10.35074/FJ.2023.35.28.004

Ссылка на материал: <https://doi.org/10.35074/FJ.2023.35.28.004>

Дата публикации: 28 февраля 2023 года

«Большая, большая скорбь и вечное молчание»: опыт социологической интерпретации снов после 24 февраля 2022 года

Каролина Нугуманова, анонимный автор

Статья посвящена рефлексии о молчании и говорении в снах россиян после 24 февраля 2022 года. На основе двухэтапного анализа присланных нам повествований о сновидениях и комментариев самих сновидцев мы обнаруживаем несколько

сюжетов, связанных с говорением и молчанием. Интерпретируя их с помощью аппарата социологии, мы делаем вывод о том, что сон представляет собой пространство для восстановления агентности, утраченной в реальной жизни.

Ключевые слова: сны, воображаемое, молчание, говорение

24 февраля 2022 года началась новая веха в истории России, которая, помимо прочего, ознаменовалась масштабными политическими и экономическими трансформациями. В результате начала вооруженного конфликта на территории Украины повседневная жизнь россиян изменилась, даже если они находятся за тысячи километров от зоны боевых действий. Уход международных компаний с российского рынка, рост цен на потребительские товары, перебои с поставками электроники и лекарств, вынужденная миграция и разлука с близкими, усиление давления на активистов и НКО — только малая часть того, как изменилась жизнь людей за последние месяцы. На каждого россиянина февральские события повлияли по-своему: кто-то пострадал больше, для кого-то происходящее остается практически незаметным. Однако цифры опросов, несмотря на все ограничения последних, показывают, что на конец марта 2022 года треть россиян была в тревоге и депрессии, каждый пятый ссорился или спорил с близкими на политические темы (Отчет Хроники 3.0 2022a: 5). На конец сентября заявляемая поддержка «спецоперации» продолжала падать и достигла исторического минимума (Отчет Хроники 7.0 2022b: 5). В целом разрушения, смерть и обострение разделения по принципу «свой/чужой» стали частью повседневного информационного фона для миллионов россиян вне зависимости от их отношения к происходящему конфликту.

Пожалуй, самое проблематичное — это практически полное отсутствие возможности сопротивления, причем не только физического, но и вербального. С 4 марта 2022 года в России введена практически военная цензура, предполагающая, что за антивоенное высказывание можно получить срок до 15 лет. Кроме того, за несколько лет до начала

«спекоперации» многие независимые СМИ были признаны «иноагентами» и «нежелательными организациями» и заблокированы. Это привело к тому, что десятки миллионов россиян сегодня не имеют доступа к источникам информации, кроме подконтрольных государствам.

Так правительство РФ пытается установить тотальный контроль над способами говорить и осмыслять военный конфликт в Украине. Были введены новые административные и уголовные статьи, участились случаи репрессий и преследований активистов. Власти страны пытаются создать единственно возможный язык говорения о новой реальности, в которую оказалось втянуто молчаливое большинство. В условиях растущей поляризации общества, когда от каждого человека требуется ответ на вопрос «ты за или против?», возникает ситуация вынужденной немоты, замыкания мира человека на индивидуальном уровне, отчуждения людей друг от друга. Сегодня вопрос об оценке общественного мнения, о субъективном отношении к новым обстоятельствам, традиционный для социологии, остро нуждается в новом подходе.

Такой подход может быть найден в социологии сновидений (Bastide 1966; Lahire 2020). В конце февраля мы, группа социологов, запустили исследовательский проект, в рамках которого мы собираем и анализируем сны россиян после 24 февраля 2022 года. Нашей целью было организовать сбор свидетельств происходящих событий и через нарративы о снах дать людям возможность говорить о своих эмоциональных переживаниях. В снах «коллективное бессознательное» может найти свое прямое или метафорическое выражение. В свою очередь, в придании образам и эмоциям из сновидений словесной формы можно увидеть способ преодоления вынужденного молчания, в которое оказалась погружена значительная часть населения России.

С момента запуска нашего исследования к нам поступило 844 рассказа о снах. Молчание и говорение являются значимой частью многих из присланных снов. На страницах этой статьи мы хотим поговорить о том, как сновидцы говорят и молчат в своих снах и какими смыслами они наделяют свои переживания. Мы рассматриваем сны как символическую репрезентацию существующей или придуманной социальной реальности, способ осмысления нового опыта в ситуации отсутствия языка. Изучение снов предоставляет довольно эффективный инструмент как для понимания эмоциональных переживаний — даже тех, которые не были отрerefлексированы самими сновидцами, — так и для понимания символической репрезентации их положения. Полученные данные могут дополнить существующие и будущие исследования отношения населения России к затянувшемуся военному конфликту.

Сны как объект социологической интерпретации

Социология сновидений — еще совсем не институционализированная область исследований, внутри нее нет специализированных журналов,

кафедр и образовательных программ. Однако попытки ввести сны в фокус изучения социологии осуществляются как минимум с 1966 года (см. Bastide 1966). Одной из наиболее важных работ для этой области стала недавняя книга французского социолога Бернара Лаира «Социологическая интерпретация снов» (Lahire 2020). Лаир рассматривает сны как социально сконструированный опыт, обусловленный способностью человека рассказывать и создавать визуальные метафоры для чувств, ситуаций, отношений и последовательностей социально значимых действий. Обычно сновидения связаны с переживаниями, с которыми человек сталкивается в реальности во время жизни в обществе и взаимодействия с другими социализированными индивидами. Анализируя проблемы, которые беспокоят сновидцев, можно раскрыть социально обусловленные типы отношений, способы действия, видения, чувствования. Наконец, сны доступны социологам только в форме повествования о них, которое построено с помощью языковых навыков, обретенных человеком в ходе социализации в обществе. Эти социальные характеристики сновидений позволяют наметить дорогу к пониманию их как формы социального опыта, а не просто как отражения деятельности структур индивидуального бессознательного.

Такого рода подход к снам оказывается особенно востребован сегодня, когда многие россияне оказались в ситуации, когда «старые» способы чувствовать и мыслить рухнули, а новые начинания неоднозначны вплоть до морального застоя» (Mills 2000 [1959]: 4). Рассказы о снах могут сделать для социолога доступным тот опыт, который не актуализируется во время интервью или опросов в связи с отсутствием подходящих речевых средств для его выражения.

Россияне в 2022 году не были первыми, кто оказался в ситуации невозможности говорить публично о тех переживаниях, которые не вписываются в официальный дискурс радости, поддержки и сплочения вокруг действий правительства. История знает множество примеров, когда власть успешно вытесняла выражения несогласия из публичного пространства, создавая видимость общенародного единства. Однако даже в случае тоталитарных государств оставалась возможность для других голосов, свидетельства чему мы можем обнаружить в дневниках, письмах и других эго-документах, и пересказы снов стали одним из таких исторических свидетельств.

Наиболее известные исследования о тоталитаризме, которые используют сны как источники данных, — это работы Шарлотты Берадт, Рейнхарта Козеллека и Ирины Паперно. При всем различии их объединяет частичное заимствование подходов из психоанализа, понимание сна как репрезентации эмоциональных переживаний, с которыми сталкиваются сновидцы во время бодрствования, а также объект исследования — сны времен террора.

Шарлотта Берадт — немецкая журналистка и публицистка, пионер сбора и толкования снов в тоталитарном обществе, создательница архива «Сны Третьего рейха» (Beradt 1985 [1966]). В 1933–1939 годах, будучи жительницей Германии, Берадт расспрашивала знакомых об их снах

и сохраняла эти сны в виде зашифрованных записок, которые опубликовала после эмиграции в США. В ее сборник вошли пересказы только тех снов, которые имеют явный политический подтекст. Берадт не придерживалась особой методологии анализа сновидений, но при публикации снабдила их своей интерпретацией (Паперно 2012). Сны для нее были символическим отражением переживаемого в реальной жизни, и собранный ею архив повествует о повседневном страхе, чувстве вины, стремлении к конформизму и даже подсознательному предчувствию будущих зверств по отношению к евреям (Beradt 1985 [1966]). Любопытно, что в этой коллекции снов «Третьего рейха» так же, как и в нашем архиве, есть сны, в которых переживается и проблематизируется необходимость молчать. Архив Берадт (1966) не только стал источником для последующего анализа собранных ею сновидений с исторической (Stein 2010) и психологической (Bulkeley 1994) точек зрения, но и вдохновил другие исследования травматичного опыта, основанные на изучении снов (об опыте переживания холокоста см., например, Engelking 2013).

Основываясь на записях снов из архива, собранного Берадт, выдающийся историк Рейнхарт Козеллек (1985) одним из первых обратил внимание на потенциал изучения сновидений и взял на себя задачу сформулировать методологические принципы работы со снами как историческим источником данных. Важно, что эти принципы приложимы и к подходу социологов. Он рассматривает сны как тексты, свидетельства об историческом опыте и прошлом человека, которые фиксируют реальность лучше других источников, в том числе дневников и мемуаров. Опыт сновидцев сегодняшнего дня — это тоже явление историческое: основываясь на своем прошлом опыте и приобретенных знаниях, люди переживают текущие события и чувствуют себя в пространстве истории. Отстаивая право на политическую интерпретацию снов, Козеллек указывает, что сон характеризует не столько индивида, сколько общество. Сны — это долингвистические истории, раскрывающие антропологическое измерение, выходящее за рамки письменных источников (Koselleck 1985). Важно, что сны у Козеллека и Берадт — не только пересказы историй о терроре, но и его орудие, орудие самого ужаса: они происходят с отдельными людьми и оказывают на них сильное эмоциональное воздействие (Koselleck 1985). Спящий больше не отдыхает во сне, но переживает интенсивный эмоциональный опыт. Это позволяет другим исследователям говорить о том, что тоталитарные режимы воздействуют и на физиологию человека, нарушая восстанавливающую функцию сна (Curtisa 2017). Сам Козеллек (1985) приписывает снам начала Третьего рейха и прогностическую функцию, так как они содержат отражение образа будущего в настоящем моменте. Причем прогностическая функция не подразумевает под собой пророчество; историк рассматривает сны как психологические факты, свидетельствующие о том, что субъект, застывая не осознавая, понимает потенциал переживаемых событий и изменений в самом себе. Таким образом, нарративы о снах не только соотносятся с прошлым и настоящим, но и содержат в себе эмпирическую вероятность событий,

которые потенциально могут произойти в будущем. «Именно как вымысел они <сны> являются элементами исторической реальности» (Koselleck 1985).

Однако несмотря на то, что сны представляют собой вымышленные истории, они — что хорошо можно отследить на снах времен Третьего рейха — могут являться орудием террора. Во-первых, страх, переживаемый субъектом во сне, терроризирует его. Во-вторых, само знание о терроре приходит из снов. Так, те, кто в реальности не стал жертвой физического насилия, чувствуют его во время сна; их сны не только соотносятся с реальностью, но и предвосхищают ее. Изучая такие сны, мы можем познать историческую реальность. При этом не все сны могут служить свидетельствами прошлой или текущей действительности. Так, анализ сновидений, собранных Жаном Кайролем от узников концлагерей, то есть тех, кто непосредственно столкнулся с физическим насилием, показал, что сюжеты их снов оторваны от того, что они непосредственно переживали. Настоящий террор уже не мог присниться, фантазия ужаса была превзойдена действительностью; это были сны о выживании, основанные на символике, которая внеисторична, неapolитична и не может быть проанализирована как поэтический текст, указывающий на происходящее (Koselleck 1985: 225).

На русском материале эпохи сталинизма одним из первых таких исследований стали работы американского историка культуры и литературоведа Ирины Паперно. В ее работе записи снов выступили частью большого корпуса данных, включающего личные дневники и мемуары советской эпохи. Таким образом, герменевтический анализ сновидений дополняется субъективной интерпретацией сновидца и общим биографическим контекстом его жизни. Изучение снов 1930-х годов позволяет исследовательнице проникнуть в «интимные пространства жизненного опыта эпохи террора» и изучить тот опыт, который остается необъяснимым для самого рассказчика (Паперно 2012). Многие сны, которые проанализировала Паперно (2012), были наполнены страхом. Другие представлялись попытками найти объяснение тому, что невозможно было понять в реальной жизни. В третьей группе снов проявляется способность человека сопротивляться террору, подсвечивается та грань, которую он не готов переступить. Сами сновидцы, рефлексирова о своих снах, нередко приписывали им функцию пророчества и историческую значимость. Некоторые из них рефлексируют потенциал снов как исторических свидетельств. Например, Лидия Чуковская (2007) пишет: «Мои записи эпохи террора примечательны, между прочим, тем, что в них воспроизводятся полностью одни только сны. Реальность моему описанию не поддавалась; больше того — в дневнике я и не делала попыток ее описывать. Дневником ее было не взять, да и мыслимо ли было в ту пору вести настоящий дневник?» (Чуковская 2007).

Сегодня многие люди вновь сталкиваются с невозможностью описать реальность вокруг них, и потому мы вновь обращаемся к снам как к источнику сведений о нерексифицируемом опыте жизни в современной России. Наш подход к анализу сновидений находится в общей рамке

интердисциплинарного подхода ко снам как материалу для изучения социально-исторического опыта человека. Назовем его социально-исторической герменевтикой. С одной стороны, сегодня россияне переживают в своих снах исторические события. С другой стороны, символическая репрезентация этих событий в снах может быть рассмотрена в социологических категориях власти и агентности. Мы также дополнили наши интерпретации анализом социодемографических характеристик участников нашего исследования. Отталкиваясь от того, что в снах отражается то, для чего в реальной жизни нет языка, мы ищем в присланных нам текстах осколки отношения к новой реальности — отношения, которое они сами могут понимать не до конца.

Методология

В нашем проекте мы, в отличие от Берадт (1985 [1966]), собираем и публикуем все сны, вне зависимости от того, имеют ли они ясные политические коннотации. Российская культура имеет богатую историю отделения «личной жизни» от политики, и многие аспекты повседневности могут субъективно восприниматься как не связанные с политикой. Но личное, как провозгласили феминистки второй волны, — это политическое (Hanisch 1970), поэтому мы коллекционируем все сны, вне зависимости от их содержания. Мы также не требуем от тех, кто присылает нам свои рассказы, иметь эксплицитную политическую позицию (или сообщать ее), быть «за» или «против». Кажется, сегодня эта дихотомия лишь усугубляет разделение общества и способствует вытеснению промежуточных мнений. В нашем архиве собраны сны тех, кто не успевает рефлексировать меняющуюся повседневность и по какой-то причине чувствует, что сны говорят о нас и о нашем мире что-то важное.

Рассказы о снах были собраны с помощью гугл-формы, распространявшейся в дружественных СМИ, телеграм-каналах, а также по личным каналам. В форме, помимо полей для записи сна и его интерпретации, были несколько необязательных вопросов, посвященных социально-демографическим характеристикам рассказчиков. С конца февраля 2022 года и на момент подготовки текста публикации (октябрь 2022) нам удалось собрать 844 сна.

Важно отметить, что наше исследование не претендует на репрезентативность: сколько бы снов мы ни собрали, мы не можем говорить о том, что снятся всем россиянам (или даже их большинству). Нашей задачей было охарактеризовать спектр возможных сюжетов и образов, которые появляются в снах, а не давать наблюдаемым закономерностям количественную оценку. Тем не менее, большинство наших рассказчиков — женщины (81%), в среднем от 20 до 35 лет, проживающие на момент заполнения анкеты в Северо-Западном (51%) или Центральном (33%) федеральных округах Российской Федерации.

Наш эмпирический материал — повествования о снах — представляет собой особую форму молчания-говорения. С одной стороны, эти

повествования являются коммуникативным актом, с помощью которого сновидцы сообщают нам что-то о себе, своем опыте и своих переживаниях. С другой стороны, рассказчи_цы не обладают всей полнотой контроля над содержанием повествования, когда претендуют на аутентичность описания своего сна: они рассказывают об образах, которые появились вне зависимости от их воли, иногда в результате вытеснения переживаний из сферы вербального. Можно сказать, что все присланные нам рассказы находятся на границе между молчанием и говорением — присылая свой сон, человек может интерпретировать или додумывать его, но в то же время находится в относительно более безопасной позиции, так как не выражает свое мнение, а пересказывает приснившееся ему. Из них мы отобрали те тексты, которые соответствовали следующим критериям:

- 1) в центре повествования (или одной из его секвенций, если сон длинный) — акт говорения, совершаемый спящим;
- 2) в центре повествования (или одной из его секвенций) — молчание спящего, невозможность говорить;
- 3) в центре повествования (или одной из его секвенций) — молчание других.

Критерием исключения было то, что акты молчания или говорения не являлись значимыми в контексте сна (могли быть выброшены без ущерба для его сюжета). Всего было отобрано 156 снов.

Наш подход к изучению снов во многом вдохновлен методом анализа сновидений Паперно (2012) — исторической герменевтикой снов. Мы рассматриваем сны как тексты, которые могут быть проинтерпретированы при помощи погружения в контекст их возникновения — в нашем случае, в жизнь и культуру современной России. Те тексты, которые мы получили в рамках сбора снов, представляют собой продукт интерпретации рассказчиков и элемент самопрезентации. При анализе снов мы попытались истолковать тексты, интерпретируя встречающиеся в них сюжеты и образы с точки зрения категорий агентности и власти. Прочитывая сны с точки зрения социологии, мы пытаемся погрузиться в миры символической репрезентации социального-исторического опыта российских граждан и их эмоциональных переживаний, понять их (нерефлекслируемое) отношение к окружающей реальности и выявить общие тенденции: в данной работе — сюжеты, внутри которых разворачиваются акты молчания и говорения.

Сны были проанализированы в два этапа. Сначала с помощью метода тематического кодирования (Braun and Clarke 2006) мы разделили рассказы о снах на секвенции и выделили общие темы, появляющиеся в разных текстах. Затем мы интерпретировали каждую тему с помощью погружения ее в более широкий контекст современной России, дополняя наше понимание комментариями самого рассказчика. Эти комментарии представляли собой авторские интерпретации снов, биографический контекст (события, с которыми спящие связывают свои сны), характеристики

самих снов (насколько часто рассказчику снятся подобные сюжеты) и испытываемые эмоции — как во сне, так и после пробуждения. Интерпретация является неотъемлемой частью сна (Паперно 2012), поэтому смысл, которым сами сновидцы наделяли приснившееся, так же, как и сам сон, является источником данных.

Противостояние молчания и говорения — это один из наиболее заметных сюжетов в нашем архиве. В этой статье мы попытаемся ответить на вопросы о том, какое место эта бинарная оппозиция занимает в присланных нам снах и что она говорит об агентности сновидцев. Кто говорит и кто молчит в их снах, какой смысл придается этим актам, какие последствия во сне это влечет и как такие сновидения интерпретируют сами рассказчики.

Результаты

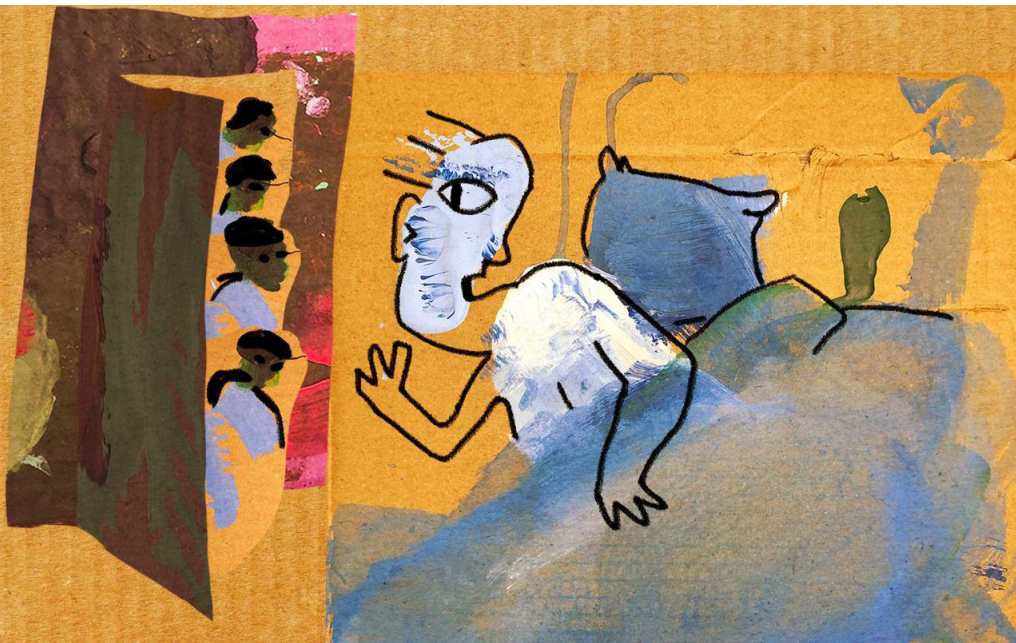
В этой части статьи выводы, сделанные в ходе анализа снов, будут разделены на две части: молчание и говорение. В изученных нами рассказах два этих поведенческих акта связаны отношениями противостояния, но не могут быть однозначно проинтерпретированы как одобряемое или неодобряемое поведение. Ниже мы рассмотрим основные функции, которые выполняют акты молчания и говорения, а также контексты, в которых они проявляются.

Молчание

Чаще всего в снах молчат антагонисты — те общности или конкретные индивиды, которые противопоставляются рассказчику во сне, — или их помощники. Молчание воспроизводит дистанцию между сновидцем и тем, кто молчит, усиливает уязвимость сновидца по отношению к тем, кто имеет больше власти. Так, в следующем отрывке описан сон, в котором рассказчица сталкивается с угрозой в лице незнакомых мужчин (см. ил. 1), пытающихся пробраться в ее квартиру:

«Приснилось: я в своей старой квартире. Входная дверь прикрыта, но не заперта. Я закрываю ее на щеколду, и вдруг в щелку замечаю, что за ней кто-то есть. Сначала мне кажется, что это мама, и она сейчас зайдет внутрь. Но время идет, а некто просто молча стоит за дверью. Я все никак не могу рассмотреть, кто это — а потом дверь становится почти прозрачной, и я понимаю, что за ней стоят четверо парней. Молча стоят и смотрят прямо на меня. Я на всякий случай придерживаю щеколду рукой. Сначала кричу, чтобы они ушли, но я слишком сильно боюсь, у меня дрожит голос. Они не шевелятся. Тогда начинаю спрашивать, что им нужно, и парни внезапно оживают: по-прежнему молча приближаются вплотную и смотрят прямо на меня <...>» (03.06.2022, Ж, 20 лет).

Молчание мужчин пугает спящую и не позволяет ей проинтерпретировать ситуацию внутри сна. Она стремится защитить себя, заперев дверь на более надежный замок, но не может найти ключ, потому что не может

Ил. 1. Визуализация сна, 2022. © Соня Никитина, все права защищены, используется с разрешения автора.

оторвать взгляд от двери. В ситуации молчания зрительный контакт — единственное, что позволяет ей контролировать взаимодействие с угрожающими незнакомцами в отсутствие ресурсов для самозащиты. Интересно, что сюжетно сон не имеет политических коннотаций, но сама рассказчица приписывает своему сновидению функцию репрезентации своего текущего психического состояния. В комментариях она пишет:

«Сейчас уже месяц болею, никак не могу выздороветь, морально очень тяжело выносить это одной, не хватает заботы и тепла (особенно родительского) + проблемы с психикой + очень непростая сессия + сами-знаете-что. Наверное, все это воплотилось в такой странный образ. Вроде бы не агрессия и не насилие, но бесконечная тревога и страх. Ощущение, что кому-то что-то от тебя нужно, но ты не понимаешь, что именно. А еще не знаешь, как это прекратить. Хочется спрятаться от этого, но в то же время страшно выпустить из виду хоть на секунду» (03.06.2022, Ж, 20 лет).

В качестве наиболее распространенных антагонистов выступают образы молчаливой толпы или государства, причем как обобщенно-близкого социального института, так и персонифицированного в лице конкретных чиновников. В обоих случаях их молчание — символ невосприимчивости к голосу сновидца, отрицание возможности взаимодействия. Как невозможно переубедить молчащую толпу, так невозможно вступить в равноправную коммуникацию с государством и его репрессивным аппаратом. В то же время функции, которые молчание государства и толпы выполняет во сне, отличаются. Так, молчание толпы — это выражение безразличия:

«Мне снился красивый литой мост и толпа людей вокруг. Ничего не предвещало беды, но вдруг из толпы возник провокатор. Он ни с того, ни с сего начал крушить все вокруг, а люди стояли и молчали. Меня это очень возмутило, я разозлилась и очень резко ответила, обращаясь к молчащий толпе и разрушителю, одновременно стараясь спасти хрупкие вещи от падения. Сон резко оборвался, я проснулась разбитая с чувством острой несправедливости от всего происходящего в стране, где у меня больше нет голоса» (25.03.2022, Ж, 30 лет).

Толпа не может или не хочет противостоять провокатору, она лишь наблюдает за происходящими разрушениями и не является действующим лицом. Акт говорения в сюжете сна представляет собой ответ одновременно и разрушителю, и толпе — однако непонятно, оказывается ли это сопротивление успешным. Рассказчица этого сновидения истолковывает его как метафору ситуации, в которой она оказалась в реальной жизни, связывая противостояние молчащей толпе и «провокатору» с переживанием невозможности выражать свое мнение в реальной жизни вследствие законодательных ограничений.

Напротив, молчание обобщенного государства или его персонифицированных воплощений может быть проинтерпретировано как символическая репрезентация его властной позиции. В нескольких записях о снах государство находится с рассказчиком в ситуации односторонней, неравноправной коммуникации. Так, в следующей записи другой сновидец представляет себя солдатом, участвующим в боевых действиях против неопределенного врага. Попытка вступить в диалог с государственной властью в лице одного из известных современных чиновников заканчивается провалом, и сон обрывается:

«Я сижу в окопе, я солдат, я разговариваю с девушкой, которая так же сидит в окопе рядом со мной. Какая-то война. Не понятно, на чьей стороне я воюю. В какой-то момент мы поднимаем глаза и видим, что на большом холме перед окопом стоят в ряд военные — все в черном, понимаем, что это — враги. Решаем убежать от них, бежим через какой-то сосновый лес, который был позади нашего окопа. Прибегаем к деревянному дому (такие показывают в фильмах про Вторую мировую, обычно в них находятся военные штабы). В моем сне такой деревянный дом — тоже штаб. Там толпятся мужчины в каких-то дубленках, они стоят в очереди, чтобы куда-то записаться. Я тоже стою в очереди, подходит моя: прохожу и сажусь на стул, а за столом передо мной — Песков, с усами и в военной форме. Спрашивает, буду ли я записываться. Я спрашиваю: „Куда?“. Молчит, переспрашиваю, просыпаюсь» (25.04.2022, Ж, 24 года).

Война, в которой участвует спящая, не имеет для нее субъективного смысла: неясны ее причины, неизвестны воюющие стороны и их цели («какая-то война», «не понятно, на чьей стороне я воюю»). Она переживается на чувственном, индивидуальном, внеидеологическом уровне. Сновидица не принимает решений (или не воспринимает их как самостоятельные принятые), все ее действия совершаются автоматически и вместе со всеми: все убегали от врагов, все встали в очередь. Попытка понять происходящее внутри сна — обращение к представителю власти — оканчивается неудачей, так как вопрос остается без ответа.

Здесь молчание можно рассмотреть как привилегию наделенного властью, того, кто не должен объяснять и убеждать и кто рассчитывает на безотчетное подчинение со стороны других. Вопрос рассказчика разрушает сложившийся статус-кво — согласие с ее стороны больше не подразумевается, и молчание чиновника окончательно прерывает коммуникацию, вместе с которой обрывается сон.

Сами сновидцы редко молчат в своих снах. Собственное молчание проблематизируется, нуждается в объяснении и/или оправдании. Оно переживается как отсутствие голоса и может быть вызвано чувством стыда, скорби или страха. Это молчание угнетенных, напуганных, скорбящих, переживающих хрупкость своего положения. В следующей записи спящая видит, как оживают мертвые люди с фотографии, которую она рассматривала в реальной жизни. Молчание выступает символом скорби по погибшим людям (см. ил. 2). В пояснении к своему сну рассказчица написала, что накануне читала новостные материалы о трагических событиях в Украине. Одна из фотографий, на которой были запечатлены обгоревшие тела членов одной семьи, стала основой ее сна:

«<...> Сегодня мне приснилось, что эти люди на пространстве этой фотографии, встают из-под мусора, которым пытались закидать их тела, полусгоревшие, получерные, открывают глаза и ходят <...> Мне казалось, что они ходят по фотографии, выходят из нее и подходят к моему окну и смотрят. Было страшно, но больше — печально. Большая, большая скорбь и вечное молчание» (05.04.2022, Ж, 30 лет).

Как утверждал Лаир, сны не случайны — они в определенном смысле автобиографичны, и невозможно глубоко понять сон, если интерпретировать его с точки зрения только накопленного опыта или только актуального контекста, принимая во внимание лишь сам текст и текущую экзистенциальную ситуацию, в которой оказался спящий (Lahire 2020).

Как показывают многие исследования, еще с давних времен сны связывали с жизнью сновидца: его переживаниями, озабоченностью, навязчивыми идеями, напряжением и конфликтами, страхами и желаниями (Lahire 2020). Эти чувства и знания актуализируются до сна, обычно в тот же день, и могут в символической форме проявиться во сне. Интересно и то, что сама рассказчица, опираясь на свой опыт в изучении фольклористики, проинтерпретировала свой сон как отражение часто встречающегося сюжета в деревенской культуре (полагаем, что речь идет о сюжете с восставшими мертвецами). «Юристам снится, что они ведут дела и составляют контракты; генералам — что они сражаются; мореплавателям — что они продолжают вести войну с ветрами; а мне — что я решаю свою задачу постоянного исследования природы вещей и изложения своих открытий на родном языке» — пишет Бернард Лаир (Lahire 2020: 96).

Все персонажи сна — и спящая, и люди, которых она видит, — безмолвны, но их молчание принадлежит разным мирам. Восставшие молчат как мертвецы, и со сновидицей их разделяет окно — как символ

Ил. 2. «Большая, большая скорбь и вечное молчание». Визуализация сна, изображение сгенерировано нейросетью DALL-E, 2022. © Каролина Нугуманова, анонимный автор, все права защищены, используется с разрешения авторов.

непроницаемости границы между миром живых и мертвых. Сновидица молчит как свидетель, исполняющий символический ритуал памяти по ушедшим. Никто из героев сна не пытается и не может прервать это тяжелое молчание, и невозможность восстановить коммуникацию отражает безвозвратную потерю тех, кто перешел границу мира мертвых. Все они — безвластны в этой ситуации сна. Однако само присутствие восставших мертвецов, пусть и молчаливое, становится символом памяти о том, что невозможно скрыть или о чем нельзя забывать: они вновь появляются из-под завалов, становятся видимыми, неотступным напоминанием о чудовищной трагедии.

Итак, можно отметить, что молчание в снах подчеркивает отношения власти и подчинения. Рассказчик редко занимает позицию сильного — того, кто может оставлять вопросы без ответа, требовать подчинения. Его агентность восстанавливается посредством акта говорения, вопрошания. Сновидец выступает (или хочет выступить) инициатором коммуникации, но чаще всего остается без ответа. В следующем параграфе мы рассмотрим сны, в которых говорение помогает преодолеть сложившиеся во сне властные диспозиции.

Говорение

В рассмотренных нами рассказах о сновидениях говорение находится в центре нескольких основных сюжетов, которые можно обозначить как переубеждение, предупреждение, сопротивление и поиск союзников.

Во всех этих сюжетах основным действующим лицом является сам сновидец, который взаимодействует с другими персонажами: знакомыми, родственниками или даже знаменитостями. Вообще, как указывает Лаир, люди, приходящие в наши сны, зачастую являются теми, с кем мы эмоционально связаны: родители и друзья, супруги и партнеры, братья и сестры, дедушки и бабушки, одноклассники и коллеги. Причем, это не обязательно люди, с кем сновидец часто взаимодействует, но также и те, с кем могут возникать напряженные отношения и конфликты, те, в отношении с кем человек в бодрствующей жизни вкладывает много эмоциональных ресурсов (Lahire 2020). В рассказах, которые мы проанализировали, каждому сюжету свойственен свой набор действующих лиц.

В рамках первого сюжета спящие вступают в спор с теми, кто с ними не согласен, — зачастую с родственниками. Предмет спора может быть различным, однако чаще всего встречаются споры о действиях России в Украине. Сновидцы представляют себя красноречивыми, обладающими убедительными аргументами, рациональными и последовательными. Примечательно, что переубеждение зачастую и во сне остается незавершенным: сновидец оказывается не услышанным или проигнорированным. Например, рассказчица следующего сна в комментариях к форме для отправки снов поделилась, что редко говорит с мамой, которая занимает другую точку зрения по вопросу «спецоперации». По ее ощущениям, ей не хватает аргументов, которые она стремится продумать заранее, прокручивая в голове сценарии разговора. Один из таких моментов стал сюжетом ее сна:

«Не в первый раз снится, как я пытаюсь переубедить маму. Привожу аргументы, показываю новости из независимых источников, показываю видео Максима Каца [оппозиционный политик и блогер]. На каждый ее довод за войну ищущий контраргумент, причем этот поиск выглядит очень логичным и рациональным для сна. Как будто все, о чем я думаю днем, визуализировалось ночью. Мама во сне все равно остается при своем, и это меня печалит, но до точки отчаяния я не дохожу, потому что еще есть что сказать, способы убедить, и разговор не заканчивается» (03.05.2022, Ж, 20 лет).

Во сне рассказчица представляет себя в ситуации аргументированного спора с матерью и будто сама удивляется рациональности доказательств, которые подбирает. Несмотря на то что до конца сна ей не удается переубедить собеседницу, она чувствует, что разговор не окончен, и в целом сон не приносит ей негативных эмоций. Подобные, на первый взгляд «повседневные», сюжеты представляют собой воплощение фантазии о конструктивном разговоре, в котором победит рациональность, то есть позиция сновидца. На деле, как известно из отчета PS Lab, многие люди прекратили общение с родственниками, которые не разделяют их позицию (Ерпылева, Савельева 2022).

В рамках второго сюжета субъект сна выступает носителем некоего знания, которым не обладают окружающие его люди. В некоторых ситуациях спящие расценивают это знание как жизненно важное. Акт

говoreния реализуется в попытке о чем-то предупредить неосведомленное окружение. Так, в следующем тексте описан сон, в котором сновидица оказывается в прошлом, во время Второй мировой войны (что в целом характерно для данного сюжета). Такая временная перспектива склоняет баланс власти-знания на сторону сновидца, который буквально «знает наперед». Спящая стремится предупредить своих близких об опасности, которая им грозит, но сталкивается с непониманием:

«Приснилось, как будто я в какой-то деревне, окруженной лесом, просыпаюсь рано утром от взрывов. Выхожу на крыльцо, вижу, что бомбят с самолетов и четко понимаю, что сейчас 41 год и я заброшена в то время и знаю все, что будет дальше. Ко мне подходит отец. Я ему говорю: надо уезжать. Он мне: „Ничего страшного, все закончится уже ко 2 июля“ (почему-то именно эта дата). „Если тогда не закончится, уже будем думать“. А я начинаю рыдать, потому что меня накрывает всем непостижимым ужасом знаний о будущем, и я говорю ему: „Она не закончится, она будет идти 4 года и погибнут десятки миллионов“. А он улыбается, смотрит на меня, как на дурочку и с сочувствием. На этом я проснулась» (26.03.2022, Ж, 30 лет).

Рассказчица не оставила интерпретации своего текста, но пояснила, что сон был нетипично ярким. Можно предположить, что в этом сне метафорически репрезентируется невозможность донести свои переживания и предчувствия до близких людей, которые пребывают в неведении относительно страшного будущего, которое неизбежно наступит — по крайней мере, по ощущениям сновидцев.

Интересно, что Великая Отечественная война — один из наиболее часто встречающихся образов в этом контексте. С одной стороны, его популярность можно объяснить высокой символической значимостью, которая приписывается ему в официальном дискурсе, а также символическими параллелями, которые этот дискурс проводит между этим историческим событием и «спецоперацией». С другой стороны, это может свидетельствовать о том, что сновидец видит себя объектом истории, творящейся на его глазах, то есть переживает события окружающей действительности как исторические.

Те, кого спящие хотят предупредить, также относятся к миру прошлого: это могут быть родители в юности, умершие родственники или незнакомые люди из былых эпох. К примеру, рассказчик следующего сна сам связывает его появление с переживаниями событий в Украине:

«Приснилось, что идет Вторая Мировая, и Гитлер приказал захватить „Нижнюю Самару“ — это значит (во сне, в реале никто так не говорит) часть города, которая под склоном у Волги, то есть набережные и прилегающие улицы. И когда это произошло, Гитлер заявил: „Теперь Куйбышев остался без ног!“ Потом оказалось, что это все как бы чей-то рассказ. И появились моя бабушка и ее сестра, и их подруга, как будто они пришли из прошлого. И я обрадовался, и подумал, что вот я сейчас смогу расспросить их про их жизнь, и приготовил диктофон записывать. Но сначала спросил подругу, правда ли это про Самару во время войны. И она рассказала, что да. Бабушку я расспросить не успел, зато стал объяснять гостям из прошлого, что такое интернет и вайфай» (10.04.2022, М, 37 лет).

Сон развивается в двух темпоральных измерениях: в прошлом, известном по рассказам кого-то безымянного, и в параллельном, послевоенном (неясно, насколько это относится к настоящему времени). Это представляется проекцией на его положение в реальной жизни: сон ставит вопрос о будущем сегодняшнего дня. Вероятно, и бодрствуя сновидец ощущает себя знающим больше окружающих (особенно старших родственников, «людей из прошлого», не имеющих доступа к альтернативным источникам информации). Интересно, что в этом сне не только рассказчик является носителем важного знания, но и те, кого он встречает. Рассказчик радуется появлению своих родственников, воспринимая их как источник информации о прошлом и способ валидации рассказанной кем-то истории о войне. Однако несмотря на первоначальное намерение расспросить «гостей из прошлого», сновидец сам начинает делиться с ними своими знаниями о будущем, однако теперь оно связано с технологическим прогрессом. Своим рассказом о грядущем автор записи хочет не предупредить, а, скорее, удивить и заинтересовать, и в ряду подобных снов это исключение.

Сновидец объясняет появление этого сна своим текущим психическим состоянием:

«Про войну — очевидно связано с текущими событиями. Ну и, в целом, отражает текущее состояние: вроде опасность очень рядом, но не совсем, целиком еще не поглотила. Хотя, между прочим, мой родительский дом как раз стоит в той области, которую Гитлер во сне захватил. А бабушка любимая ощущается, как будто поддержать пришла, как символ того, что есть надежда».

Тревога за будущее («опасность очень рядом, но не совсем, целиком еще не поглотила») соотносится во сне с пугающим образом Гитлера, захватывающего часть города, где расположен родительский дом. Присутствие родственницы воспринимается как символ надежды. Можно предположить, что бабушка как представитель старшего поколения символически тесно связана с памятью о Великой Отечественной войне. Ее опыт может быть залогом выживания в военное время, и для сновидца ее появление может быть добрым знаком.

Следующие два сюжета — сопротивление и поиск союзников — основаны на речевом взаимодействии сновидцев и известных людей: политиков, блогеров, ученых и других. Как предполагает Лаир, образы знаменитостей могут символизировать определенные характеристики и свойства (власть, красоту, ум, доброту, жестокость и т. д.). Рассмотрим подробнее, как складывается их взаимодействие в следующих сюжетах.

Символически, третий сюжет — сопротивление — представлен в снах в виде возможности равноправного диалога с теми, кто недостижим в реальной жизни: политиками, представителями других стран и знаменитыми деятелями науки и искусства, которые как во сне, так и в реальности занимают позицию, отличную от мнения сновидца. Можно предположить, что подобные фигуры олицетворяют власть, которой рассказчики не могут сопротивляться в реальной жизни. Во сне же спящие вступают в спор,

призывают к ответу, иногда просто грубят. Сон предоставляет им уникальную возможность быть услышанными теми, кто в дневной жизни наделен большей властью говорить. Например, один из рассказчиков увидел во сне Владимира Путина в совершенно обыденной ситуации — в толпе на улице:

«Приснился Путин, который в какой-то толпе на улице отдал мне ноги. Я возмущаюсь: — Да что ж вы делаете-то, Владимир Владимирович?! Он только после этого обращения понимает, что я стою рядом с ним и он топчется по моим ногам. — Ой, как же это я так, — говорит он даже не мне, а как будто в воздух, разворачивается и уходит. Я от него не отстаю и иду следом. Спрашиваю: — А вы не хотите извиниться? У него совершенно меняется тон, с равнодушного на едкий и злобный: — Вы хотите этим мерзко воспользоваться? Раздуть из этого инфоповод?! Не понимаю, что ему на такое ответить, так и просыпаюсь растерянная» (17.04.22, Ж, 27 лет).

Сны с участием Путина — не редкость для наших рассказчиков. Подобно тому, что жители Третьего рейха видели в своих снах Адольфа Гитлера, а советские люди — Иосифа Сталина, героиня данного сна также встречается с тем, кто принимает исторические решения, меняющие судьбы миллионов людей. Это не просто образы политических лидеров, но, что более важно, в присутствии данных политических фигур субъект видит себя безмолвным и/или безвластным (как было и со сновидцами эпохи Гитлера и Сталина). К сожалению, сама сновидица не оставила пояснений к своему рассказу, поэтому мы можем сами попробовать произвести его интерпретацию. В этом сне спящая представляет себя участницей равноправной коммуникации с Путиным: она может возразить ему, требовать извинений, может быть, даже сделать выговор за проступок. Однако тот не хочет вовлекаться в разговор; рассказчице кажется, что он вообще обращается не к ней (отметим, что этот образ уже встречался нам в обсуждении сюжетов, связанных с молчанием наделенных властью). Его резкий ответ приводит к сбою в коммуникации, так как, кажется, относится к совсем другому контексту взаимодействия, обостряет конфликт и создает беспочвенные, с точки зрения рассказчицы, обвинения. Сон обрывается, оставляя ее в растерянных чувствах.

Наконец, четвертый сюжет — поиск союзников — основан на поиске общности в разговоре с другими персонажами сна. Как правило, союзниками выступают люди, чье видение происходящего — по крайней мере, во сне — близко взглядам сновидца: их друзья и близкие, политические активисты, а также значимые медийные фигуры, с которыми рассказчики вряд ли знакомы в реальной жизни (феминистка Дарья Серенко, политологиня Екатерина Шульман, оппозиционная журналистка Анна Политковская и другие). В разговоре с союзниками создается чувство общности и сопричастности — причем не только вследствие близости политических взглядов, но в целом близости точек зрения, вытекающей из схожести ситуации, в которой они оказались во время сна. Интересно, что союзники могут вообще быть пассивными участниками сюжета сновидений (или сновидец нам не рассказывает об их действиях); они важны просто как образ. Их появление в сновидении является способом

идентифицировать себя с теми качествами, которые символизируют эти люди в действительности. Реже эти люди своими действиями во сне представляют собой источник бескорыстной поддержки, являются теми, кто просто выслушает, поймет и разделит с тобой переживания. Например, в следующем рассказе сновидица встречается с погибшей журналисткой, которой, судя по всему, восхищается и в реальной жизни, но та в нарративе представлена абсолютно безучастной:

«Снилось что я приезжаю в горячую точку переводить (какие-то переговоры кажется?), но почему-то я там теряюсь, оказываюсь совершенно одна, там стреляют ужасно, я в панике бегу по улицам и ищу людей. потом вижу анну политковскую, ужасно рада, подбегаю к ней и говорю что-то вроде „анна это вы!! вы такая крутая...“, мы лезем в какой-то бункер.... дальше сюжет не помню, но мы каким-то образом оказываемся в автозаке, там мужчины-военные, они пытаются нам что-то сказать, я понимаю, что должна знать этот язык, но ни слова разобрать не могу.... оч хорошо помню что я поворачиваюсь к политковской и говорю „аня.... аня это <капец>.... я ничего не понимаю....“|, мы продолжаем ехать, я плачу и у мужиков-военных все это время играет жесткий кальянный рэп...» (20.03.2022, Ж, 21 год).

Интересно, что кем бы ни были союзники, сновидцы всегда видят себя равными им. Так, в описанном выше сне рассказчица переживает приключение вместе со своей новой союзницей, и разницы в статусе (известной журналистки Политковской и анонимной рассказчицы) не ощущается — она стирается благодаря общности ситуации, в которой обе оказались. Обе они, будучи женщинами, находятся в уязвимом положении перед группой вооруженных мужчин (что символически усиливается играющим на фоне «жестким кальянным рэпом» — как правило, отличающимся мизогинными и подчеркнуто сексуализированными текстами).

Этот сон примечателен яркой метафорой непонимания, существующего между рассказчицей и деперсонализированными мужчинами-военными, которые говорят на знакомом, но непонятном ей языке. Можно предположить, что так во сне отражается неприятие официального дискурса властей в реальной жизни. Союзница, которая появляется во сне, может символизировать как честность и силу индивидуального сопротивления, так и возможный трагический конец поездки с военными во сне.

Однако не все сны заканчиваются успехом в виде присутствия союзников — в силу того что сновидцы боятся вступать в коммуникацию из-за страха быть отвергнутыми, незнания языка, боязни осуждения и т. д. Поскольку часто в отсутствие союзников сновидец остается визави с более властным агрессором и в более уязвимом социальном положении, события во сне переживаются в качестве «обволакивающей безысходности». Такие сны, как утверждал Козеллек (Koselleck 1985), не только сюжетно связаны с террором, но являются его орудием: они накладывают серьезные негативные отпечатки на эмоциональное, физическое и психологическое состояние сновидцев.

Итак, в рамках сюжетов, связанных с говорением, сны создают пространство для коммуникации с Другими: высокопоставленными

политиками, противниками, умершими родственниками или близкими, с которыми возникло недопонимание в реальной жизни. Сновидец не всегда добивается своей цели с помощью говорения — переубеждения или предупреждения, — но обретает агентность и возможность сопротивления. При этом рассказчики обычно не видят себя агрессорами или злоупотребляющими иерархией власти, на что указывает то, как именно об этом говорят сновидцы и что они делают в пространстве сна. Чаще они видят себя жертвами обстоятельств, и сопротивление субъективно воспринимается как героизм или моральный долг. Можно предположить, что это соотносится с переживанием той жизненной ситуации, в которой они оказались — ситуации невозможности самовыражения в условиях ограничений языка, когда публичное высказывание требует смелости, решимости и готовности принять зачастую ломающие жизнь последствия.

Заключительные размышления

В присланных нам рассказах о сновидениях мы обнаружили отражение эмоциональных переживаний хрупкости мира, ощущения внешней угрозы и страха перед новыми обстоятельствами. Сновидцы рефлексировали утраченную возможность говорить об окружающей действительности, и молчание во сне — как собственное (и вынужденное), так и окружающих — было для них проблематичным. В их снах возникало пространство для восстановления агентности посредством говорения и коммуникации со значимыми Другими, недостижимыми в реальной жизни. Мы отметили, как молчание может быть привилегией властей предрежащих оставлять заданные вопросы без ответа, и как говорение помогает уравнивать завидомо неравные позиции.

Одно из главных ограничений исследования состоит в том, что, по-видимому, большинство участников имеют антивоенные настроения, поэтому сны, которые нам прислали, преимущественно полны переживаний и тревог, а также имеют политический подтекст. Можно предположить, что сны сторонников «спецоперации» будут отличаться как по эмоциональной окраске, так и по сюжетам, которые в них возникают.

1. PS Lab — Лаборатория публичной социологии — это исследовательская группа, изучающая политику и общество в России и на постсоветском пространстве в сравнительной перспективе. PS Lab возникла в 2011 году, тогда же ее члены начали изучать протесты и общественные движения в России, а затем и в Украине. С начала военного конфликта в Украине 2022 исследователи изучали восприятие его сторонников, противников и сомневающихся/неопределившихся, их эмоции, надежды и страхи, отношение к пропаганде, стране и государству, отношения с близкими

и видение последствий военных действий.

2. Дарья Серенко — одна из создательниц и координаторок Феминистского антивоенного сопротивления (ФАС), организованного после 24 февраля 2022 года для антивоенной агитации, защиты прав уязвимых групп, материальной, информационной и психологической помощи политическим заключенным и митингующим и т. д.

Библиография

1. Ерпылева С, Савельева Н (2022) Далекая близкая война: как россияне воспринимают военные действия в Украине (февраль-июнь 2022). *Лаборатория публичной социологии*, <https://drive.google.com/file/d/1I7fkLApАНhDiMp1sz7gbPokCYTCdOC6n/edit> (06/02/2023)..
2. Отчет Хроники 3.0 (2022a, 18 мая) Хроники 3.0: Третья волна общероссийского опроса граждан РФ об отношении к «специальной военной операции» России на территории Украины. Аналитический отчет. github.com/dorussianswantwar/research1/blob/main/%D0%A5%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%203.0%20-%20%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B8%CC%86%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%CC%88%D1%82.pdf.
3. Отчет Хроники 3.0 (2022b, 13 октября) Хроники 7.0: Мобилизация: экспресс-опрос. Аналитический отчет. *GitHub*, [https://github.com/dorussianswantwar/research1/blob/main/%D0%A5%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%207.0%20%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B8%CC%86%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20\(%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%201%20%D0%B8%20%20%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%8B\).pdf](https://github.com/dorussianswantwar/research1/blob/main/%D0%A5%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%207.0%20%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B8%CC%86%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%20(%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%201%20%D0%B8%20%20%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%8B).pdf).
4. Паперно И (2012) Сны террора (сон как источник для истории сталинизма). *Новое литературное обозрение*, 4: 227–267.
5. Чуковская Л (2007) *Записки об Анне Ахматовой в трех томах*. Москва, Согласие (2), 1952–1962.
6. Bastide R (1966) The sociology of the dream. In: Von Grunebaum GE and Callois R (eds), *The dream and human societies*. Los Angeles, University of California Press: 200–214.
7. Beradt C (1985) *The Third Reich of Dreams: The Nightmares of a Nation, 1933-1939* trans. Wellingborough, Aquarian Press. Впервые опубликовано (1966) как *Das Dritte Reich des Traumes*. Munich, Nymphenburger Verlag.
8. Braun V and Clarke V (2006) Using thematic analysis in psychology. *Qualitative research in psychology*, 3(2): 77–101.
9. Bulkeley K (1994) Dreaming in a totalitarian society: A reading of Charlotte Beradt's *The Third Reich of Dreams*. *Dreaming*, 4(2): 115.
10. Curtisa R (2017) Sleep No More: Nightmares in Emerging Nazi Germany. *Sociology*, 7(1): 7–11.

11. Engelking B (2013) Dreams as a Source for Holocaust Research. *Holocaust Studies and Materials*, (3): 223–252.
12. Hanisch C (1970) The personal is the political. In: Firestone S and Morgan R (eds), *Notes from the Second Year: Women's Liberation*. New York, self-published.
13. Koselleck R (1985) *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*, Tribe K (trans). Cambridge, MA, MIT Press.
14. Lahire B (2020) *The Sociological Interpretation of Dreams*, Morrison H (trans). Cambridge, Polity Press.
15. Mills CW (2000) *The Sociological Imagination*. New York, Oxford University Press. Впервые опубликовано в 1959.
16. Stein A (2010) Dreams as historical artifacts. *The Journal of Psychohistory*, 38 (2): 125–32.

Благодарности

Выражаем благодарность всем, кто присылал нам свои сны и рассказывал о нашем проекте в соцсетях. Мы также хотели бы поблагодарить своих коллег по проекту, пожелавших остаться анонимными, и художниц Соню Никитину и Агату Гилман. Отдельное спасибо анонимным рецензент_кам, которые поверили в нас и помогли превратить наш текст из небольшого рефлексивного эссе в полноценную научную статью.

Об авторах

Каролина Нугуманова — выпускница магистратуры Европейского университета в Санкт-Петербурге (специальность «Социология») и исследовательница в области документального кино. Одна из участниц и организаторок исследовательского проекта, посвященного сбору и анализу сновидений во время войны в Украине 2022. Исполнительница проектов, связанных с миграцией, медиа и критическим мышлением, экологией.

Почтовый адрес: 50136, Флоренция (Италия), ул. Мазаччо, д. 5.
E-mail: kar.nugumanova@gmail.com.
ORCID: 0000-0002-4811-0837.

Второй автор данной статьи предпочел остаться анонимным.